

**Отзыв на автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата
юридических наук по теме: «Процессуальные особенности банкротства кредитных
организаций» Иваненко Натальи Александровны (специальность 12.00.15 –
гражданский процесс, арбитражный процесс)**

Диссертация Иваненко Н.А. выполнена на весьма актуальную и важную тему. Институт банкротства в последние годы является одним из наиболее обсуждаемых и быстро развивающимся. Однако нельзя не отметить, что это развитие по большей части касается материально-правовых норм; процессуальные вопросы в этом смысле несколько отстают. Поэтому само обращение автора к избранной теме заслуживает высокой оценки.

В своем исследовании, как следует из автореферата, Иваненко Н.А. обратилась к трудам наиболее известных ученых, которые изучали процедуры банкротства, причем как дореволюционных, так и современных: А.Х. Гольмстена, Г.Ф. Шершеневича, К.И. Малышева, В.В. Витрянского, В.Ф. Попондопуло и других.

Также автор хорошо знакома с современными проблемами судебно-арбитражной практики, и должным образом ее проанализировала.

Научная новизна работы отражена в положениях, выносимых на защиту, которые носят самостоятельный и творческий характер.

Некоторые положения заслуживают безусловной поддержки.

Так, является обоснованным и актуальным предложение Иваненко Н.А. (положение на защиту № 9) о включении в Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации (далее – ГПК РФ) положения о том, что суд общей юрисдикции оставляет иск без рассмотрения, если в отношении должника введена одна из процедур банкротства (очевидно, что речь идет о статье 222 ГПК РФ).

Также я безусловно поддерживаю автора в ее приверженности концепции фактической аффилированности (с. 27 автореферата). Попытки сформулировать исчерпывающий перечень случаев аффилированности заведомо обречены на провал. Любой конкретный список аффилированных лиц можно обойти, и потому необходимо общее определение аффилированности как особой внутренней, не доступной третьим лицам связи двух лиц (одна из них, как правило - это должник).

Выглядит достаточно обоснованным тезис, приведенный в положении на защиту № 7, о необходимости предоставить единоличному исполнительному органу кредитной организации права оспаривать действия (бездействие) временной администрации в порядке главы 24 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации (далее – АПК РФ).

Следует высоко оценить обращение Иваненко Н.А. к проблематике отнесения производства по делам о банкротстве к исковому или особому производству (с. 16 и 17 автореферата). Необходимо согласиться с тем, что банкротный процесс является самобытным и не может быть полностью сведен к одному из существующих видов производств.

В то же время, с моей точки зрения, при рассмотрении данного вопроса необходимо было дифференцированно подойти к решению этого вопроса: рассмотреть его применительно к «основному» делу о банкротстве, с одной стороны, и к обособленным спорам по делам о банкротстве, с другой стороны.

И если первое больше походит на особое производство, поскольку в нем абсолютным образом (против всех третьих лиц) устанавливается факт платежеспособности или неплатежеспособности должника, то вторым присущи черты искового производства, поскольку в них решаются споры о праве. В этом аспекте я не вижу большой проблемы в том, чтобы лица, к которым заявляются требования по обособленным спорам, именовались ответчиками (за исключением ситуации, когда им является должник).

Также, на мой взгляд, необходимо было упомянуть теорию «консолидированности» дела о банкротстве, которая как раз и объясняет возможность существования обособленных споров под «зонтиком» одного «большого» дела о банкротстве¹.

Весьма интересно предложение автора о предоставлении процессуального статуса лица, участвующего в деле, кредитору с момента направления его требования в адрес конкурсного управляющего (положение на защиту № 10).

Правда, здесь необходимо сделать несколько замечаний.

Во-первых, с моей точки зрения, все же более верно наделять процессуальными правами кредитора не с момента направления его требования управляющему, а с момента получения последним этого требования.

В самом деле, согласно общим нормам, процессуальные права, связанные, например, с заявлением возражений относительно требований других кредиторов, возникают у кредитора с момента принятия его требования к производству суда, а не с момента самой подачи заявления (пункт 2 статьи 71 Федерального закона от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)», далее – Закон о банкротстве; пункт 30 постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации, далее – ВАС РФ, от 23.07.2009 № 60 «О некоторых вопросах, связанных с принятием Федерального закона от 30.12.2008 N 296-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)»»).

Таким образом, для приобретения «заявившим» кредитором процессуальных прав необходимо, чтобы суд «отрефлексирует» поданное заявление, хотя бы с точки зрения наличия процессуальных предпосылок для его предъявления.

Во-вторых, с моей точки зрения, подобный вывод правильнее обосновать не возможностью существования процессуальных правоотношений между сторонами, а тем, что конкурсный управляющий – это особого рода представитель суда, каковым он считался до революции². Несмотря на всю дискуссионность подобного подхода, в данном случае он может быть применен сугубо инструментально.

Процессуальные отношения, на мой взгляд, существуют только между сторонами спора и судом; между самими сторонами они отсутствуют. В этом аспекте я солидарен с подходом, обоснованным более 100 лет назад немецким процессуалистом О. Бюловым³.

Примечательно предложение Н.А. Иваненко предусмотреть, что при рассмотрении вопроса о правомерности приказа Центрального Банка Российской Федерации судам надлежит исследовать вопрос о финансовом состоянии кредитной организации (положение на защиту № 3).

Однако сделать это, на мой взгляд, необходимо крайне аккуратно, и лишь в рекомендательном порядке (например, на уровне постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации, далее – ВС РФ), поскольку суд свободен в оценке доказательств, и ни одно доказательство не имеет для суда заранее установленной силы (части 1, 4 и 5 статьи 71 АПК РФ). В противном случае мы рискуем вернуться к средневековой системе оценки доказательств.

Все вышеупомянутые замечания сделаны в порядке научной полемики.

Более принципиальные замечания у меня следующие.

1. В положении на защиту № 8 указано, что специфика банкротства кредитных организаций обуславливает возможность суда самостоятельно определить характер спорного материального правоотношения и нормы права, подлежащие применению. Также в нем сказано, что подобное положение вещей позволяет включить в предмет доказывания доказательственные факты.

¹ См.: Собина Л.Ю. Признание иностранных банкротств в международном частном праве. М., 2012. С. 103.

² Шершеневич Г.Ф. Курс торгового права. Т. IV. Торговый процесс. Конкурсный процесс. М., 2003. С. 396, 399.

³ Бюлов О. Учение о процессуальных возражениях и процессуальные предпосылки / пер. с нем. Д.С. Ксенофонтовой; отв. ред. Д.Х. Валеев. М., 2019. С. 234, 235.

Однако, во-первых, концепция фактической индивидуализации иска является общепринятой в гражданском и арбитражном процессе и применяется во всех категориях споров (пункт 9 постановления Пленума ВС РФ от 23.06.2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации»).

Дела о банкротстве кредитных организаций в этом смысле не образуют какого-либо исключения, а пункт 9.1 постановления Пленума ВАС РФ от 23.12.2010 № 63 «О некоторых вопросах, связанных с применением главы III.1 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» (далее – Постановление № 63) – лишь частный случай общего правила.

Во-вторых, мне представляется ошибочным вывод о том, что лишь в делах о банкротстве кредитных организаций суд вправе включить в предмет доказывания доказательственные факты.

Последние не входят в предмет доказывания, но признаются подлежащими доказыванию ввиду их взаимосвязи с искомыми фактами, входящими в предмет доказывания непосредственно.

Безусловно, что, например, в пунктах 12 и 12.2 Постановления № 63 указаны примерные факты, которые могут свидетельствовать об осведомленности контрагента о неплатежеспособности должника или наоборот.

Но это не означает того, что по другим категориям споров не могут существовать доказательственные факты; они попросту будут другими, обусловленными спецификой иного материального правоотношения.

2. На с. 29 автореферата Иваненко Н.А. указывает, что активная роль суда в процессе доказывания позволяет отнести его к субъектам доказывания. С моей точки зрения, проблема состоит не в этом.

Очевидно, что в делах о банкротстве кредитных организаций доказывание порой затруднено тем, что бывшие руководители банка или его участники могут скрывать важные, но не вполне выгодные для них факты хозяйственной деятельности кредитной организации во избежание привлечения их к ответственности.

Однако преодоление этой ситуации видится мне в том, чтобы развивать нормы о раскрытии доказательств, предусмотренные частями 4, 7-12 статьи 66 АПК РФ. Я глубоко убежден, что стороны спора могут быть понуждены судом к выдаче суду доказательств, подтверждающих невыгодные для них факты. При этом последствия такой невыдачи должны состоять не только в наложении судебного штрафа, но и в даче оценки их процессуальному поведению и, как следствие, вынесению судебного решения не в их пользу.

Однако истребовать доказательства у противоположной стороны спора можно только по ходатайству другой стороны; наделять суд правом (и одновременно обязанностью) истребовать доказательства по собственной инициативе стало бы нарушением принципа состязательности (статья 9 АПК РФ).

В ходе защиты диссертанту предлагается ответить на следующие вопросы.

1. На с. 22 автореферата Иваненко Н.А. отстаивает позицию о том, что единоличный исполнительный орган кредитной организации необходимо наделять полномочиями по представлению интересов такой организации в делах об оспаривании предписаний Центрального Банка Российской Федерации (в случае приостановления полномочий исполнительных органов). Автор считает недостаточным наделение такого органа правом представлять интересы кредитной организации в делах об оспаривании приказа Банка России об отзыве лицензии на осуществление банковской деятельности (пункт 4 статьи 189.35 Закона о банкротстве).

И здесь возникает закономерный вопрос. Каково будет значение судебного акта по вопросу об оспаривании предписания Банка России для будущего спора о признании недействительным приказа об отзыве лицензии? Более широко вопрос можно поставить так: автор придерживается теории неограниченной обязательности судебного акта

(решение распространяется на всех третьих лиц) или теории относительной обязательности судебного акта (законная сила решения распространяется только на сторон спора)⁴?

2. На с. 22 автореферата Иваненко Н.Ю. также указывает, что необходимо дополнить статью 48 Федерального закона от 26.12.1995 № 208-ФЗ «Об акционерных обществах» указанием на возможность избрания представителя акционеров для целей участия в процедурах банкротства на общем собрании акционеров. А по каким причинам автор считает, что в данном случае не могут быть применены общие нормы главы 9.1 Гражданского кодекса Российской Федерации?

Между тем сделанные замечания и поставленные вопросы обусловлены сложностью заданной темы и творческим характером работы. Диссертационное исследование Иваненко Н.А., насколько можно судить по автореферату, соответствует требованиям, установленным постановлением Правительства Российской Федерации от 24.09.2013 № 842 «О порядке присуждения ученых степеней», а ее автор заслуживает присуждения искомой степени кандидата юридических наук.

Доцент кафедры финансового права
Юридического факультета
Санкт-Петербургского филиала
Национального исследовательского университета
«Высшая школа экономики»,
кандидат юридических наук

И.М. Шевченко

04.02.2021

Контактные данные:

Адрес: 190008, Санкт-Петербург, ул. Союза Печатников, д. 16

Тел.: (812) 644-59-11

Адрес электронной почты: office-spb@hse.ru

Подпись руки Шевченко И.М. удостоверение.

⁴ См.: Асосков А. В., Курзински-Сингер Е. Пределы действия судебных и третейских решений по кругу лиц // Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. 2012. № 2. С. 6-35; Мифтахутдинов Р.Т. Ограниченная относительность судебного акта при банкротстве: как добросовестным кредиторам защититься от необоснованного требования, подтвержденного судебным актом // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2018. № 4. С. 104-123.